

“Таинственная поэтика” христианского реализма

Предисловие к книге: Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. С. 5-8.

Я очень рад, что русский читатель получил возможность ознакомиться с книгой талантливого болгарского исследователя Николая Нейчева. Это удивительная книга. Ученый рассматривает Достоевского так, как его еще никто не рассматривал ни в России, ни в мире. Он не просто декларирует, что русский писатель укоренен в духовном пространстве тысячелетней православной христианской традиции – он пытается доказать (я бы сказал, с особой интеллектуальной дерзостью) нечто большее. Знаменитое Пятикнижие Достоевского в самом буквальном смысле соборно: не только замысел, но и поэтика его метаромана определяются догмато-мистической ортодоксией, храмовая архитектоника и литургический принцип православного богослужения эстетически проявляют себя буквально на всех уровнях текста. Должен признаться, что даже для меня, автора книги о соборности в русской литературе и цикла работ, в которых сделана попытка выявить художественные принципы неявной трансляции православной литургии на поэтику русской словесности, столь тотальное выявление скрытых христианских смыслов в поэтике Достоевского было своего рода неожиданностью, если не сказать – откровением.

Разумеется, то, что талантливо, увлекательно и в целом убедительно пытается доказать профессор Пловдивского университета, выросло не на пустом месте. Он сам указывает на русскую философскую традицию религиозного «ренессанса» начала прошлого века, однако Нейчеву явно не по душе размашистая нестрогость многих построений наших «религиозных философов» и их гиперкритицизм по отношению к историческому (т. е. реальному, а не выдуманному) православию. В современном русском литературоведении также имеется уже целое научное направление, которое его недоброжелатели слишком неточно и слишком обобщенно позиционируют как «религиозную филологию».

Однако талантливая книга Николая Нейчева представляет собой и интереснейший культурный феномен противостояния сегодняшнему «мейнстриму» в изучении нашей литературы в современной европейской – и шире – западной русистике. И в ней имеются исследования, в которых раньше нас, русских ученых, делались попытки выявить то, что я называю православным кодом русской словесности. Это работы Даяны Томпсон из Кембриджа, Пер-Арне Будина из Стокгольма, Юстейна Бертнеса из Бергена и некоторых других. Однако именно для православной Болгарии, как это ни странно на первый взгляд, подход Нейчева является уникальным. Впрочем, не только для Болгарии, но и для России тоже (несмотря на те ростки нового, о которых шла речь выше), как и для других восточноевропейских стран «победившего социализма». И даже понятно, почему...

Нейчев уже в само название книги ввел слово «поэтика». Уже поэтому ему было не обойтись без обращения к знаменитому бахтинскому труду. Однако правы ли мы сегодня, считая эту книгу своего рода «образцовым» научным трудом? Сравнительно недавно С. Г. Бочаровым была опубликована запись его разговоров с М. М. Бахтиным. Некоторые признания Бахтина очень трудно принять его апологетам. Оказывается, ученый был убежден, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь – существованием Божиим. Мне ведь приходилось все время вилять – туда и обратно.

Даже Церковь оговаривал». Теперь невозможно уже ни игнорировать это вынужденное умолчание, ни – тем более – пытаться превращать *недостаток* бахтинской работы, написанной «под... несвободным небом» (невозможность высказаться о «главных (!) вопросах»), в ее *достоинство*.

В условиях советской несвободы Бахтин, хотя и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов», однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге его центральная категория – *соборность* – на долгие десятилетия оказалась забытой. Бахтина трудно винить: появились эта и другие категории, свидетельствующие о православной традиции, в его работах, – эти труды автоматически были бы истолкованы в СССР как проявления монархизма и черносотенства. Именно такие обвинения были предъявлены, например, А. Ф. Лосеву после выхода книги «Диалектика мифа». То же было инкриминировано и П. Флоренскому.

Ключевые моменты суждений о Достоевском крупнейшего русского символиста не только могут послужить обязательным «комментарием» к написанным позднее трудам Бахтина, но и реконструируют последующие «фигуры умолчания» и намечают адекватный ценностям самого Достоевского контекст понимания. Бахтинская концепция полифонии оказывается онтологически родственной идее православной соборности – и вряд ли поэтому может быть адекватно воспринята без учета этого родства. Не случайно все-таки для Бахтина «Церковь как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники», является именно таким *образом*, «к которому как бы тяготеет весь... мир» Достоевского, мир принципиально полифонический. Правда, Бахтин был вынужден «оговорить» Церковь в следующем же абзаце «Поэтики Достоевского», заявив: «...но и образ Церкви остается только образом, ничего не объясняющим в самой структуре романа». Вся книга Нейчева как будто призвана опровергнуть этот вынужденный «оговор»

...

Именно поэтому представляется корректным и продуктивным восстановить в исторической поэтике те фигуры умолчания, те положения, о которых и хотел бы, но не мог высказаться в свое время М. М. Бахтин, что мы и видим в новой книге о Достоевском.

Мне представляется, что описанием «таинственной поэтики» Достоевского болгарский ученый демонстрирует возможности того творческого принципа, который можно обозначить как христианский реализм. Как философский принцип он был осмыслен и именован в последнем труде С. Л. Франка «Свет во тьме», где философ обратился к духовному опыту русской литературы, однако эта терминология уже используется и в литературоведении. Понятие христианского реализма – явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений: речь идет о *трансисторическом* принципе, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры.

В свое время мне уже доводилось критиковать тех своих коллег-неофитов, которые добровольно из мира «большой» академической филологии словно бы ушли в некое «православное гетто», где они – для своего внутреннего пользования – выстраивают новую китайскую стену между светской культурой и православной духовностью. Я бы их назвал филологическими «законниками и фарисеями», поскольку они, как, кстати, и постсоветские «либералы», крайне узко понимают православную традицию, привычно сводя ее, в сущности, к идеологии, к набору «правил», отчужденных от человека.

Казалось бы, поэтому для меня должна быть сомнительной обозначенная в книге научная цель – смысл творчества Достоевского объяснить строгими принципами восточноправославной каноники, когда «догмато-мистическая ортодоксия» представляется универсальной моделью для всех великих романов русского писателя.

Однако – вот же странное дело! – вчитываясь в порой головокружительные интеллектуальные построения Нейчева, который в Пятикнижии Достоевского усмотрел сложную систему художественной репрезентации храма, жития и таинства, далеко не случайно оказывающей столь сильное, можно сказать, мистическое воздействие на читателя, я не ощущаю ровным счетом никакого внутреннего сопротивления. Напротив, я испытываю своего рода интеллектуальное наслаждение. В чем же тут дело, помимо очевидного таланта самого ученого? Дело в том, что свои фундаментальные теоретические положения болгарский исследователь доказывает прежде всего именно на уровне *поэтики* произведений Достоевского. Нейчев удачно избегает того, что часто вызывает отторжение – некорректной экстраполяции отдельных элементов православной догматики на корпус художественных текстов – без понимания значимости *эстетической* природы этих текстов, без понимания того, что это именно *художественная* литература. Тщательнейшее внимание именно к архитектонике романов Достоевского – вплоть до выявления в их поэтике храмового ансамбля и литургических (а не мистериальных) кодов – одна из существеннейших особенностей представляемой книги.

Часто цитируя А. Н. Веселовского, основателя исторической поэтики, мы порою как-то забываем вдуматься в то, как сам корифей нашей отечественной науки понимал задачу этой поэтики: «...определить роли и границы предания в процессе личного творчества». Исходя из этой чеканной формулировки, представляется не просто корректным, но и абсолютно необходимым определить «роль и границы предания», *христианского* предания в произведениях отечественной словесности. Именно поэтому вполне правомерно рассматривать поэтику русской литературы в контексте православной культуры – с ее собственными категориями, с собственными представлениями о должном и недолжном, собственными рецептивными установками и собственной архитектоникой. Возможности такого подхода, его плодотворность для развития русистики и показал своей книгой о Достоевском Николай Нейчев.